

Н.Н. Мезга

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ РОССИИ И ПОЛЬШИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье на примере историографии польско-советских отношений охарактеризована роль, которую в межвоенное время историческая наука в Польше и России играла в идейно-политической борьбе между этими странами. Сделан вывод о том, что оба государства проводили историческую политику, цель которой заключена в использовании исторической науки для обоснования и оправдания проводимой ими политики. В результате история не столько стремилась к установлению объективной истины, сколько, исходя из политической конъюнктуры, акцентировала внимание на определенных фактах и их оценочной характеристике с точки зрения интересов «своего» государства. Такой подход резко снижал научную значимость исследований, осуществлявшихся польскими и советскими историками межвоенного времени по истории отношений между двумя странами.

Ключевые слова: историография, межвоенный период, советско-польские отношения, Россия, Польша, польско-советская война, Рижский мир, агрессия, коллективная безопасность, политика «равновесия».

Введение. Советско-польские отношения в межвоенный период отмечались высокой степенью конфронтационности. В первые годы обретения Польшей независимости и образования Советского государства она вылилась в открытый военный конфликт. Однако и после окончания польско-советской войны продолжалась острая идейная и политическая борьба между двумя странами. В этот же период шло формирование российской советской и польской историографий, в которых делались первые шаги по изучению и советско-польских отношений. Развитие историографии, особенно той, которая занимается проблемами новейшей истории, всегда неразрывно связано с политикой. Для того чтобы определить объективность исторического исследования, крайне важно определить его связь с политической ситуацией, зависимость от нее. В данной статье мы попытаемся установить, в какой степени и как характер отношений между Россией и Польшей влиял на состояние межвоенной историографии советско-польских отношений в этих странах, какая роль отводилась исторической науке в той идейно-политической борьбе, которая велась между Москвой и Варшавой на международной арене. В современной историографии появляются работы, предметом исследования которых является взаимодействие истории как науки с политикой и идеологией. Можно отметить исследования россиянина Р.Г. Пихои [1], белорусского автора В.И. Меньковской [2, с. 45].

Основная часть. После возрождения независимой Польши в 1918 г. в польской исторической науке многими авторами высказывалась идея о необходимости для нее принять самое активное участие в строительстве польского государства и формировании патриотизма у польских граждан. Польский историк межвоенного времени С. Закжевский писал в этой связи: «Работа историков должна быть наиболее тесно связана с общими организационными усилиями, направленными на становление государства» [3, с. 7]. Крупный политик и публицист С. Грабский указывал, что польская историческая мысль должна быть великодержавной и «развивать, углублять, формулировать требования польского государственного порядка» [4, с. 7]. Касательно формирования патриотизма, другой польский историк тех лет А. Бохеньский отмечал, что прежде всего обучение истории должно вести к формированию национальной идеи, «чтобы ее осознание делало из человека поляка» [5, с. 55]. Следовательно, польские историки свою важнейшую задачу видели в отстаивании интересов своего государства, содействии его становлению через формирование национальной идеи. Такая позиция представителей польской исторической науки находила поддержку со стороны государства в рамках проводимой им исторической политики.

Мезга Николай Николаевич, канд. ист. наук, доц., декан исторического ф-та ГГУ им. Ф. Скорины (Гомель, Беларусь).

Адрес для корреспонденции: ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь; e-mail: nmezga@gsu.by

Советское государство также стремилось поставить историю себе на службу. Советская историческая наука с первых шагов своего развития «становится мощным средством воспитания нового советского человека», она разрабатывает «актуальные проблемы прошлого, связанные с задачами социалистического строительства, борьбой на идеологическом фронте» [6, с. 11, 12]. Белорусский советский историк В.К. Щербаков видел задачу советских историков в том, чтобы вести борьбу с вылазками «враждебных нам классов, с вылазками контрреволюционных элементов», в том числе и на историческом фронте. Задача польских буржуазных историков, по его мнению, заключалась в мобилизации сил на борьбу с СССР [7, с. 8, 56]. Один из ведущих советских историков межвоенного времени М.Н. Покровский в статье, опубликованной в 1931 г., писал: «Суть истории в том, что это самая политическая из всех наук, и ее увязка теории с практикой заключается в том, что история должна непосредственно и неустанно разъяснять массам происходящую классовую борьбу» [8, с. 5]. Таким образом, советскими историками историческая наука изначально определялась как инструмент и поле классовой политической борьбы. Это в полной мере относится и к историографии отношений между Советским государством и Польшей в межвоенный период, которые также рассматривались как проявление классовой борьбы.

В коммуникациях между народами формируется образ того, кто является «другим» в системе международных отношений. Этот образ может быть как положительным, так и отрицательным [9]. В его формировании большая роль принадлежит исторической науке, что отчетливо видно на примере историографии взаимоотношений России и Польши в межвоенный период. Она внесла большой вклад в формирование негативного образа соседа в обеих странах. Для этого активно использовался конкретный исторический материал. Внешняя политика «чужого» государства представлялась в крайне негативном свете. В то же время политика «своего» государства идеализировалась. Эта тенденция отчетливо прослеживается в работах историков двух названных стран буквально с первых дней изучения польско-советских отношений.

Поле наиболее острой идейно-политической борьбы между советской и польской историографией стала история польско-советской войны. Для формирования образа врага в лице Польши советская историография стремилась возложить на нее вину за возникновение войны, всячески подчеркивала агрессивный характер польской политики по отношению к советским республикам. Советские исследователи указывали на стремление польских правящих кругов захватить белорусские и украинские земли и достичь границы 1772 г. При этом подчеркивался классовый аспект агрессивных планов Польши, которая через захват территорий стремилась, во-первых, отгородиться от российской революции, во-вторых, захватить сырье для польской промышленности, возратить помещикам их земли [10, с. 4, 5, 8, 22, 23]. Я. Иоффе указывал на планы «польской буржуазии» создать «великую Польшу от моря до моря» с включением в ее состав «Литвы, Беларуси и всей Правобережной Украины» [11, с. 146, 152]. Подобных работ, в которых доказывалась агрессивность Польши, ее стремление к территориальным захватам за счет советских республик во время польско-советской войны 1919–1920 гг. советскими историками и публицистами в межвоенное время было создано огромное количество [12–19].

Подчеркивая агрессивность польской политики, советские историки всячески акцентировали внимание на миролюбивом характере политики России. Ю. Мархлевский в этой связи писал, что Советская Россия не хотела войны и со своей стороны делала все возможное, чтобы сохранить дружеские отношения с Польшей [20, с. 5–7]. По мнению В.И. Пичеты, Россия проводила по отношению к Польше дружественную политику с момента восстановления ее независимости. Но Польша не отреагировала позитивно на дружественные шаги Москвы, потому что польское правительство не могло смириться с существованием Советской Республики [21, с. 160, 163]. Доказательством миролюбивого характера политики России, по мнению советских историков, было и стремление к мирному урегулированию

уже начавшегося военного конфликта. К. Радек отмечал, что советская сторона, добиваясь мира с Польшей в конце 1919 – начале 1920 г., готова была ради этого пойти на большие территориальные уступки [22, с. 17]. Вина за срыв попыток мирного урегулирования зимой–весной 1920 г. возлагалась советскими историками на Польшу. Ю. Мархлевский обосновывал точку зрения, что Польша в принципе не стремилась в тот момент к мирному разрешению конфликта, а лишь старалась выиграть время, чтобы Пилсудский смог подготовиться к новому военному походу [20, с. 18].

В польской историографии в возникновении войны обвинялась Советская Россия, стремившаяся к распространению большевизма, что создавало угрозу для независимости Польши. Крупный польский публицист С. Строньский писал, что Ленин в начале 1919 г. рассчитывал дойти до Центральной Европы «через соглашение со спартаковцами и другими политиками в Германии, и с Бела Куном в Венгрии». В такой ситуации «Польша выставила свои войска и вступила в борьбу с большевиками». Она защищалась сама и защищала Запад от «варварства» [23, с. 106–107]. В издании «Юзеф Пилсудский. Создатель независимого польского государства» в этой связи отмечалось: «В начале 1919 г. наступающая Красная Армия имела своей целью разжигание пожара на Западе, прежде всего в Германии. Дорога туда лежала через Польшу, которую руководство Красной Армии рассчитывало разгромить одним ударом» [24, с. 292]. Тезис об угрозе большевизации Польши, что означало потерю ею независимости, как важнейшем направлении советской политики, вызвавшей войну, присутствует и во многих других работах польских авторов.

Польская историография стремилась обосновать и оправдать захватнические планы Польши по отношению к восточным «кресам». Один из крупнейших польских историков межвоенного времени С. Кутшеба еще в 1919 г. в своей работе подверг критике «исторические права» России на Литву и Беларусь. Он утверждал, что русские несправедливо считают белорусов частью своего этноса. Белорусы составляют «отдельное этнографическое славянское племя», белорусский язык является отдельным, он «наполненный польскими словами и лучше понимаем поляками, чем русскими» [25, с. 187–190]. С. Кутшеба утверждал, что на Виленщине, в Западной Беларуси поляки имели явное большинство среди населения. Следовательно, Польша должна была выступить в их защиту против наступавших большевиков [26, с. 162]. Для обоснования продвижения на белорусские, литовские и украинские земли польские исследователи приводят тезис об освободительной и цивилизаторской миссии их страны. К. Олендский, например, пишет о стремлении Польши принести на «восточные кресы» политические и гражданские свободы, избавить их население от голода. Преимущество выбора соседей в пользу объединения с Польшей заключается в том, что «лучше идти с просвещенным Западом, чем варварским востоком, который... с идеей коммунизма учинил смесь крови, позора и угнетения» [27, с. 10, 8].

По мнению польских историков, в условиях уже начавшейся польско-советской войны советское правительство не отказалось от своих агрессивных планов, а его мирные предложения конца 1919 – начала 1920 г. рассматривались как тактический ход. С. Кутшеба отмечал, что Советская Россия надеялась удовлетворить свои интересы посредством военных действий, о чем свидетельствовала подготовка наступления на Двине весной 1920 г. [28, с. 171, 172]. Летом 1920 г. Россия снова попыталась осуществить план экспорта революции в Польшу. Цель похода большевиков на Варшаву заключалась в том, чтобы разбить Польшу, «протянуть руку революционным немцам и вместе раздуть пожар коммунистической революции во всей Европе» [29, с. 156, 157].

Рижский мир не решил многим проблем в советско-польских отношениях. Они оставались сложными и напряженными. Советское руководство насаждало в обществе представление о постоянной угрозе новой войны с капиталистическими странами, и Польша рассматривалась как потенциальный противник номер один, что подчеркивалось советской пропагандой и находило отражение в советской историографии. Советские историки делали акцент

на сохранение агрессивного характера польской политики по отношению к советскому государству. А. Василевский утверждал, что сразу после заключения Рижского договора «польский фашизм» стал активно готовиться к новому циклу захватнических войн, «чтобы окончательно осуществить свой план создания на территории Советского Союза федерации государств, подчиненных Польше» [30, с. 8]. Л. Волинский в своих работах писал о стремлении Польши к восстановлению границ 1772 г. и присоединении всей Литвы, Советской Беларуси и Правобережной Украины [31, с. 22, 23].

Историческая наука и публицистика использовалась советским руководством и как средство подготовки и оправдания внешнеполитических целей. Это достаточно четко видно при изучении советскими историками проблем Западной Украины и Западной Беларуси. Особый акцент в них делался на критику польской политики национального и социального угнетения на территории «восточных кресов». Так, А. Василевский в своих трудах обвинял Польшу в том, что она рассматривает Западную Украину и Западную Беларусь как свою колонию [30, с. 19, 20]. Д. Дудков писал о системе «белопольского террора» на территории «обнищавших, ограбленных неисчислимыми налогами, залитых рабоче-крестьянской кровью Западной Украине и Западной Белоруссии» [32, с. 117]. Советское руководство считало установленную Рижским договором границу с Польшей временным компромиссом и не оставляло надежд на ее ревизию. Представляя в негативном свете польскую политику в Западной Беларуси и Западной Украине, советская историография и публицистика готовили общественное мнение к этому шагу, показывая его обоснованность и даже необходимость. После того, как Красная Армия вступила на территорию Западной Беларуси и Западной Украины, советские историки стали приводить аргументы для оправдания этой акции. Так, И.Ф. Лочмель выдвинул концепцию, согласно которой народы этих территорий были брошены на произвол судьбы польским правительством, подняли восстание против оккупантов и ждали помощи от Советской страны [33, с. 154]. Другими советскими авторами Польша определялась как искусственное и переходящее буферное государство. Высказывалось мнение, что после Октябрьской революции Польше не обязательно нужно было использовать право на отделение [34, с. 63].

Польская историография со своей стороны отмечала напряженный характер польско-советских отношений после Рижского мира, но вину за это возлагала на советскую сторону. С. Козинский отмечал непрочность Рижского договора, писал, что большевистская Россия при первой благоприятной возможности будет стремиться продвинуть свое влияние на запад, это делает неизбежным ликвидацию польского государства [35, с. 40]. С. Ельский считал, что на новом этапе Советская Россия не отказалась от борьбы с Польшей, а изменила ее тактику, сделав основную ставку на деятельность Коммунистического интернационала, направленную на расшатывание государственных устоев буржуазных стран [36, с. 57]. В контексте агрессивной политики России в отношении Польши рассматривался и Рапальский договор. Один из наиболее авторитетных польских историков того времени С. Мацкевич отмечал, что «когда российско-германские отношения улучшаются, самостоятельность польской политики падает». В условиях российско-германского единства «независимость Польши умирает» [37, с. 57, 202, 203]. Польская историография, как проявление агрессивности Советской России, трактовала и ее акции на территории Западной Беларуси и Западной Украины. С. Ельский писал по этому поводу: «Международный коммунизм, не сумев удержаться на восточных землях Польши, принадлежавших ей перед разделами, стал прибегать к различным средствам и способам, чтобы взорвать этот край и держать в состоянии продолжительного кипения, и тем самым парализовать усилия польских властей, направленные на возможно быстрейшую нормализацию отношений...» [36, с. 42, 58, 59].

Участие исторической науки и публицистики в идейно-политической борьбе особенно отчетливо проявляется в тех работах, которые были посвящены наиболее злободневным проблемам советско-польских отношений, когда отсутствовал сколько-нибудь значительный временной отрезок между произошедшим событием и моментом обращения исследователя

к его изучению. Это выразительно наблюдается в работах межвоенных авторов, посвященных советско-польским отношениям накануне Второй мировой войны. После того, как не оправдались надежды советского руководства на сближение с Польшей в связи с подписанием договора о ненападении, в условиях, когда она заключила с Германией декларацию от 26 февраля 1934 г., в советской историографии и публицистике Польша позиционировалась как участник фашистского блока и один из главных поджигателей новой мировой войны. А. Врублевский писал, что Польша в середине 1930-х гг. выступала в фарватере внешней политики Германии, и тесное сближение Гитлера с «польским фашизмом» происходило «на общей платформе империалистической экспансии на восток и планов совместного похода против СССР» [38, с. 4, 162]. И. Высоцкий отмечал стремление польских политических кругов к союзу с фашистскими государствами, который необходим им «для совместного нападения на СССР» и его расчленения [39, с. 10, 11].

В то время советская политика создания системы коллективной безопасности столкнулась с польской политикой «равновесия». Историки и публицисты СССР и Польши включились в дискуссию, всячески доказывая преимущества политической линии «своего» государства. В советской историографии отмечалось, что предложенный СССР Восточный пакт был направлен на обеспечение мира и наткнулся на противодействие лишь со стороны правительств Германии и Польши. Их негативное отношение к договору, имевшим целью «уменьшить опасность возникновения войны в восточной части Европы, объясняется лишь тем, что агрессивные планы правящих групп этих государств направлены именно к захватническим действиям на востоке Европы, к захвату территорий СССР» [38, с. 206, 207].

Историческая наука Польши, отстаивая политику «равновесия» как наилучший способ обеспечения безопасности страны, всячески превозносила подписание декларации о неприменении силы с Германией. Отмечалось, что последняя признала Польшу в качестве великой державы, с которой следует считаться, и был обеспечен мир на польской западной границе [40, с. 134]. Ю. Лукаевич высказывал точку зрения, что после подписания декларации можно говорить о поступательном развитии отношений Польши с Германией и с надеждой смотреть в будущее. Именно политика равновесия, по его мнению, «позволила ей с достоинством преодолеть кризисы, которые недавно произошли в Европе» [41, с. 39, 48]. При этом польская историография весьма критически относилась к политике коллективной безопасности. Оправдывалась позиция польского правительства, которое считало, что Восточный пакт представлял собой попытку создания антигерманского блока, что не только не гарантировало мира, но, напротив, могло привести к большой войне. Также Польша рассматривала проектируемый пакт как идеологический блок, а в таких блоках она не участвует. К тому же, исходя из опыта Судетского кризиса, ставилась под сомнение реальность получения помощи от Советского Союза [42, с. 10].

Заключение. Таким образом, с момента возникновения межвоенная историография советско-польских отношений в России и Польше стала инструментом идейно-политического противостояния между двумя странами. Каждое из названных государств стремилось использовать историческую науку для обоснования и оправдания своих внешнеполитических шагов. На это и была нацелена проводимая в них историческая политика. Особенно большое внимание советские и польские исследователи уделили изучению польско-советской войны 1919–1920 гг. При этом свою главную задачу они видели в том, чтобы вину за военный конфликт возложить на противоположную сторону. Рассматривая историю отношений между Россией и Польшей после заключения Рижского договора, историография всячески подчеркивала наличие агрессивных планов у противоположной стороны. На нее возлагалась ответственность за сохранение напряженности в двухсторонних отношениях. Таким образом, как при изучении отношений между Россией и Польшей во время войны 1919–1920 гг., так и в период от Рижского мира до начального этапа Второй мировой войны, историография двух стран внесла существенный вклад в формирование образа врага, в результате чего Польша в Советском Союзе, а СССР в Польше рассматривались как враг номер один.

При изучении истории советско-польских отношений межвоенного периода для историков двух стран установление объективной истины, научная реконструкция событий не являлись важнейшей задачей. Чтобы представить в наиболее выгодном свете политику «своего» государства и дискредитировать оппонента, акцент делался на тщательно отобранные факты при игнорировании других. При этом в работах преобладали оценочные суждения. В связи с таким подходом мы можем говорить о формировании в СССР и Польше исторической идеологии. Она отличается от исторической науки тем, что не добывает новые знания о прошлом с помощью научной методологии и методики, не стремится к достижению объективной истины, а формирует оценки прошлого на основе определенных ценностных представлений, определенной идеологии. Сложившаяся в межвоенные годы система подчиненности исторической науки в Польше и СССР политическим интересам своих стран и преобладающей или господствующей в них идеологии резко снизила научный уровень созданных в то время исследований по истории советско-польских отношений

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пихоя, Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы XX века / Р.Г. Пихоя // Новая и новейшая история. – 2004. – № 2. – С. 28–53.
2. Меньковский, В.И. История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов / В.И. Меньковский. – Минск : БГУ, 2007. – 359 с.
3. Zakrzewski, S. Historjografia polska wobec wskrzeszenia państwa / S. Zakrzewski. – Lwów : Druk. zakładu narodowego im. Ossolińskich, 1924. – 39 s.
4. Grabski, S. Z zagadnień polityki narodowo-państwowej / S. Grabski. – Warszawa : Perzyński, Niklewicz i s-ka, 1925 – 134 s.
5. Bocheński, A. Rozmyślenia o polityce polskiej / A. Bocheński. – Warszawa : Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987 – 236 s.
6. Алексеева, Г.Д. Развитие советской исторической науки 1917–1923 годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г.Д. Алексеева. – М., 1961. – 18 с.
7. Шчарбакоў, В.К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі / В.К. Шчарбакоў. – Менск : Выд-ва Беларускай акадэміі навук, 1934. – 104 с.
8. Покровский, М.Н. О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период / М.Н. Покровский // Историк-марксист. – 1931. – Т. 21. – С. 4–7.
9. Курилла, И.И. Изучение истории международных отношений в социокультурном аспекте / И.И. Курилла // Новая и новейшая история. – 2012. – № 6. – С. 65–76.
10. Павлович, М. Война с польскими панами (Польско-шляхетская авантюра) / М. Павлович. – М. : Типография III Интернационала, 1920. – 32 с.
11. Иоффе, Я. Организация интервенции и блокады советской республики 1918–1920. Очерк / Я. Иоффе. – М. – Л. : Гос. издат. Отдел воен. лит., 1930. – 167 с.
12. Друнин, В.П. Польша, Россия и СССР. Исторические очерки / В.П. Друнин. – М. – Л. : Госиздат, 1928. – 219 с.
13. Радек, К. Война польских белогвардейцев против Советской России / К. Радек. – М. : Госиздат, 1920. – 24 с.
14. Кукурин, Н.Е. Война с белополяками 1920 г. / Н.Е. Кукурин, В.А. Мельников. – М. : Гос. военное изд-во, 1925. – 520 с.
15. Пічэта, У. Польшка-савецкія адносiны і Рыжскі мiр / У. Пічэта // Польша. – 1928. – № 4. – С. 146–166.
16. Гражданская война 1918–1921 : в 3 т. / под общ. ред. А.С. Бубнова [и др.]. – М. – Л. : Государственное изд. Отдел военной книги, 1930. – Т. 3 : Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. 560 с.
17. Сулов, П.В. Политическое обеспечение советско-польской кампании 1920 года / П.В. Сулов. – М. – Л. : Гос. издат. Отдел воен. лит., 1930. – 174 с.
18. Вислинский, М. Внешняя политика Польши на современном этапе / М. Вислинский // Пропагандист. – 1935 – № 10. – С. 42–47.
19. Лочмель, И.Ф. Освобождение Белоруссии от белопольских оккупантов (11 июля 1920 г.) / И.Ф. Лочмель. – Минск : Гос. изд. Белоруссии, отдел полит. литерат, 1939. – 53 с.
20. Мархлевский, Ю. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией / Ю. Мархлевский. – М. : Гос. изд-во, 1921. – 43 с.
21. Пічэта, У. Польшка-савецкія адносiны і Рыскі мiр / У. Пічэта // Польша. – 1928. – № 4. – С. 146–166.
22. Радек, К. Война польских белогвардейцев против Советской России / К. Радек. – М. : Госиздат, 1920. – 24 с.

23. *Stroński, S.* Pierwsze lat dziesięć (1918–1928) / S. Stroński. – Lwów – Warszawa : Gabrynowicz i syn, 1928. – 627 s.
24. Józef Piłsudski. Tworca niepodległego państwa Polskiego. Zarys życia działalności / oprac. Henryk Cępnik. – Warszawa : Instytut propagandy państwowo-twórczej, 1934. – 327 s.
25. *Kutrzeba, S.* Kongres, traktat i Polska / S. Kutrzeba. – Warszawa : Gebethner i Wolff, 1919. – 198 s.
26. *Kutrzeba, S.* Polska odrodzona 1914–1921 / S. Kutrzeba. – Kraków : Gebethner i Wolff, 1921. – 230 s.
27. *Olędzki, K.* Kresy wschodnie a Polska / K. Olędzki. – Warszawa : Druk. Z. Świętńskiego, 1919. – 16 s.
28. *Kutrzeba, S.* Polska odrodzona 1914–1922 / S. Kutrzeba. – Kraków : Gebethner i Wolff, 1922. – 264 s.
29. *Lipiński, W.* Wielki Marszałek (1867–1835) / W. Lipiński – Warszawa : Nakład Gebethnera i Wolffa, 1936. – 225 s.
30. *Василевский, А.* Польша / А. Василевский. – М. : Изд-во ЦК МОРП, 1929. – 32 с.
31. *Вольнский, Л.* Антисоветский союз шести. Франция и ее союзники / Л. Вольнский – М. : Партиздат, 1932. – 40 с.
32. *Дудкоў, Д.* Контррэвалюцыйны беларускі нацыянал-дэмакратызм на службе беларускіх акупантаў / Д. Дудкоў // Бальшавік Беларусі. – 1935. – № 10–11. – С. 113–129.
33. *Лочмель, И.Ф.* Очерки истории борьбы белорусского народа против польских панов / И.Ф. Лочмель. – М. – Л. : Гос. издат. Отдел воен. лит., 1940. – 163 с.
34. *Матушевч, А.* Исторические предпосылки краха Польши / А. Матушевч // Исторический журнал. – 1939. – № 11. – С. 58–69.
35. *Kowalec, K.* Narodowa demokracja wobec traktatu ryskiego / K. Kowalec // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach. Studia pod red. M. Wojciechowskiego. – Toruń : Wyd-wo UMK, 1998. – S. 31–46.
36. *Elski, S.* Sprawa białoruska. Zarys historyczno-polityczny / S. Elski. – Warszawa : [b. w.], 1931 – 105 s.
37. *Mackiewicz, S.* Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 września 1939 r. / S. Mackiewicz. – London : M. I. Kolin, 1958. – 347 s.
38. *Врублевский, А.* Польша / А. Врублевский. – М. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1936. – 212 с.
39. *Высоцкий, И.* Внешняя политика фашистской Польши / И. Высоцкий // Коммунистический Интернационал. – 1935. – № 16–17. – С. 10–17.
40. Józef Piłsudski. 1867–1935. – Warszawa : Spółka wydawnicza Kurjer S. A., 1934. – 188 s.
41. *Łukasiewicz, J.* Polska jest mocarstwem / J. Łukasiewicz. – Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1938. – 63 s.
42. Polska polityka zagraniczna. – Warszawa: Druk. Dom Prasy, 1938. – 35 s.

Поступила в редакцию 24.10.14.

The article discusses the part of ideological and political confrontation between Russia and Poland that was played by historical methods, based on historiography of Polish-Soviet relationship. It is stated in the conclusion that both states were using historical methods in order to justify their political policies. As a result of this approach, instead of defining objective truth and facts, history emphasized specific facts and their assessment based on its state's point of view. This method highly reduced historical value of the research about relationship between Russia and Poland that was done by Polish and Soviet historians during interwar period.

Keywords: historiography, interwar period, Soviet-Polish relationship, Russia, Poland, Polish-Soviet War, Peace of Riga, aggression, collective security, policy of “balance”.

Уважаемые авторы!

Более подробно требования к оформлению материалов, а также условия для принятия материалов см. на сайте журнала

<http://vesnik.grsu.by>